

УДК 81'37(045)

Н.И. Пушина

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ И КОГНИТИВНОМ АСПЕКТАХ

Рассматриваются ономасиологический и когнитивный аспекты неличных гибридных форм глагола – инфинитива, причастия, деепричастия, герундия, совмещающих именные и глагольные свойства. Указанные аспекты связаны с номинативными функциями неличных форм и их когнитивной природой.

Ключевые слова: неличные формы глагола, гибридные формы глагола, ономасиологический, номинативный, когнитивный.

Утверждение о том, что «слова светятся отраженным светом вещей» (цит. по: [16. С.3]), позволяет рассматривать части речи как проекции в мир языка разных по своей сути и восприятию человеком объектов действительности, исследовать их номинативные (ономасиологические) функции (непосредственную роль в процессах номинации) и как отражается в них внеязыковая действительность. В связи с этим особый интерес представляют неличные формы глагола – инфинитив, причастие, в некоторых языках деепричастие, герундий, отличающиеся, в силу своей гибридности, сложной проблематикой, касающейся частеречного статуса неличных форм, их номенклатурного состава, соотношения с личными формами, общих принципов их выделения и классификации, а также специального изучения того, что именуют неличные формы глагола, к обозначению каких объектов мира они обращены и к каким фрагментам действительности они относятся.

При рассмотрении указанных вопросов целесообразно обратиться к широкому пониманию глагола. Широкое (традиционное) понимание глагола принимается многими лингвистами зачастую как само собой разумеющееся, без специального обоснования. Однако, как справедливо указывает Л.Л. Буланин, широкое понимание глагола создает о глаголе более целостное представление и обладает преимуществами системного подхода. При таком понимании глагол как часть речи представляет собой семантико-грамматический разряд слов; его основные формы не являются частями речи и не стоят на одном уровне с другими частями речи – существительными, прилагательными и т.д., в том числе и с самим глаголом [7. С.11]. Аналогичную точку зрения высказывает О. Есперсен, рассматривая «вербиды» (причастия и инфинитивы) как особый промежуточный разряд между существительными и глаголами и отмечая необходимость признания неестественным разъединение английского *eat* и *eaten* в таких предложениях, как *He is eating the apple, He will eat the apple, He has eaten the apple, He eats the apple*. В связи с чем непредикативные формы лучше рассматривать вместе с предикативными [12. С.96]. В.В. Виноградов подчеркивает, что подводимое под категорию

глагола слово обычно представляет собой «сложную систему многочисленных форм, которая образует парадигму спряжения...» [10. С.345]. Одним из доказательств широкого понимания глагола является конфигурационная гипотеза Л. Бэбби, в соответствии с которой части речи могут быть однозначно определены в терминах конфигурационных поверхностей структуры, в которых выступает исходная категория V. Те категории, которые выпадают из типичной для глагола парадигмы системы спряжения – причастие, деепричастие, инфинитив, определяются автором как «глагольные части речи» в противовес, например, русской лингвистической традиции, считающей данные категории формами глагола, для чего они формально подводятся под более общую категорию репрезентации глагола. В рамках конфигурационной гипотезы глагольные части речи рассматриваются как «контекстные варианты исходного V». Конфурационная гипотеза объясняет, каким образом исходная категория V реализуется в поверхностной структуре языка в виде инфинитива, деепричастия, причастия, супина и т.п. [8. С.171,172].

Такое понимание глагола подкрепляется и когнитивным взглядом на природу частей речи, связывающую сложную историю возникновения глагола не только с осознанием различия форм движения, изменения объектов, но и с эволюцией единиц, с помощью которых осуществлялась вербализация первых коммуникативных актов человека. Глагол родился как единица хронотопная, совмещающая в своем значении и идею движения в пространстве, и идею процессуальности, причинности, течения во времени в соответствии с его фазовыми характеристиками [17. С.222]. При этом делается очень важный вывод о том, что вопреки утверждениям о «нелогичности», «иррациональности» отнесения многих слов к одной части речи, создание таких слов в актах словообразования является величайшим достижением языка и расширяет наши знания, так как фиксируются структуры, соотносящие в пределах одного слова категориальные характеристики разных частей речи: одну наследуемую от мотивирующего слова, а другую в акте транспозиции в определенную часть речи [17. С.224; 18].

Данные большинства исторических исследований свидетельствуют о том, что все неличные формы прошли через длительную стадию вербализации – приобретения глагольных свойств, закрепления семантики действия, и что генетически все неличные формы глагола восходят к имени.

Так, в английском языке и в других германских языках инфинитив исторически оценивается как отглагольное существительное, обладающее в древнеанглийский период парадигмой склонения [1. С.22; 12. С.159 и др.]. Характеризуя инфинитив как отглагольное существительное, Э.Прокош указывает на то, что оно имеет более тесные связи с собственно-глагольной системой, и каждое отглагольное образование имеет общее значение глагольности [25. С.217]. В среднеанглийский период начинается процесс вербализации инфинитива, который связан с появлением у инфинитива видо-временных и залоговых форм. Вербализация инфинитива проявляется в более

интенсивном развитии субъектных отношений между инфинитивом и именными членами предложения и связывается с утратой многих именных черт, главным образом именных грамматических категорий [26. С.116].

В среднеанглийский период произошло совпадение двух форм инфинитива – простого и сложного. Древнеанглийский предложный инфинитив, представляющий форму дательного падежа с предлогом *to*, имел значение цели. В среднеанглийский период древнеанглийский инфинитив утрачивает окончание древнеанглийского дательного падежа и совпадает по форме с простым инфинитивом [27. С.81]. И лишь в конце ранненовоанглийского периода, когда инфинитив, утратив флексию, совпал с некоторыми личными формами глагола и стал нуждаться в особом морфологическом показателе, частица *to* закрепляется как морфологический показатель инфинитива, перестав осмысляться как предлог, утратив первоначальное направление цели [15].

Считается, что и в удмуртском языке (одном из пермских языков уральской семьи языков финно-угорской ветви) инфинитив имеет отыменное происхождение на основе имен, обозначающих действие. Исследователи утверждают, что об этом говорят остатки употребления инфинитива в определенно-притяжательных и падежных формах в отдельных родственных языках [11].

В русском языке происхождение инфинитива интерпретируется как «этимологическая память» данной глагольной формы. Исторически русский инфинитив, выражавший как и сейчас «само название действия», восходит к отглагольным существительным в формах дательного и винительного падежа (динамически направленных падежей), но в отличие от существительных не имел склонения [29; 20. С.203]. Падежные формы отглагольных существительных свидетельствуют о том, что эти существительные обозначали «субстантивированные действия в качестве объекта динамической направленности субъекта». После полного оглаголивания существительных, что представляется возможным объяснить как стремление представить само глагольное действие отстраненным объектом, возникший из них инфинитив сохранил первоначальную функцию своего источника и расширил сферу функционального применения. Инфинитив стал обозначать «действие, по отношению к которому устанавливалась прямая или (положительная) или обратная (отрицательная) направленность субъекта». Формальными следами происхождения инфинитива является его подчиненная позиция в ряде словосочетаний (*обещал принести и т.д.*) и дательный падеж существительных со значением носителя обозначенного им действия [29. С.288,289].

Инфинитив, существующий в грамматических системах типологически различных языков, определяется как «загадочная по своему современному значению категория глагола» [23. С.128]. Загадочность этой категории, по объяснению В.В. Богданова, проявляется в ее особом семантическом поведении, в двойственном – глагольно-именном характере, специфическом синтаксическом функционировании и следовало бы добавить в особом грамматическом статусе – в обладании определенными грамматическими категориями [6].

С.164]. Л. Теньер называет инфинитив смешанной категорией, средним членом между категорией глагола и категорией существительного [28. С.433].

Инфинитив универсален, так как имеется для всех глаголов, за исключением нескольких случаев дефектных (с неполной парадигмой) претерито-презентных глаголов [1]. Исследователи полагают, что существует объективная закономерность, заставляющая языки вырабатывать в своих грамматических системах инфинитив. Именно эта закономерность и служит причиной всех необычных свойств инфинитива [6. С.164].

Инфинитив – это такая неличная форма, которая дает отвлеченное, обобщенное понятие о действии, вследствие чего инфинитив по своей семантике близок личной форме глагола. Принадлежность инфинитива к системе глагольных форм зачастую связывают с тем, что инфинитив представляет глагол в словаре и может быть назван «словарной формой» [Dictionary form] глагола [34. С.157; 5. С.212]. Однако Л. Теньер считает обычай, принятый в современных западных языках, называющих глагол с помощью инфинитива, крайне неудачным, так как он парадоксален и вреден. «Парадоксален потому, что для обозначения глагола нелогично прибегать к той форме, которая не является глагольной. Вреден потому, что он внушает и пропагандирует ту ложную мысль, что инфинитив – это глагол» [28. С.434]. Л. Теньер указывает и на то, что способ названия глагола с помощью инфинитива далеко не универсален. Традиция, принятая для древних языков, требует, чтобы латинские и греческие глаголы назывались в форме 1-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения: ср. латинский глагол *amo* «я люблю» или, например, в бакском языке глагол обозначается по его причастию: ср. глагол *bilhatu* «искавший» [28. С.434]. В инфинитиве связь действия с деятелем формально не выражена, но логически предполагается. В тех случаях, когда действие, выраженное инфинитивом, соотнесено с подлежащим предложения, инфинитив определяется как субъектный.

Следует отметить, что соотнесенность действия с его деятелем выявляется при употреблении инфинитива в предложении более последовательно, чем у других неличных форм глагола что, по-видимому, объясняется тем, что инфинитив, подобно глаголу, выражает действие, обозначенное основой, тогда как, к примеру, причастие передает признак или указывает на обстоятельство, при которых совершалось другое действие [13. С.161,162].

Вопрос об инфинитиве в русском языке особенно волновал грамматистов [10. С.342]. Ряд исследователей отделяли инфинитив от имени с глагольной основой, и указывали на то, что инфинитив не принадлежит к числу ни предикативных, ни атрибутивных форм глагола. Инфинитив был объявлен особой частью речи и рассматривался как слово, не причастное к спряжению, как «отглаголия» (Там же). Другие лингвисты подчеркивали, что инфинитив в современном русском языке – «глагольный номинатив», исходная форма глагола «*nominativus*», в которой потенциально заложено отношение к лицу: неопределенная форма глагола благодаря своей отвлеченности представляется нам про-

стым голым выражением идеи действия, без тех осложнений, которые вносятся в нее всеми другими глагольными категориями [10. С.343; 23]. Решая вопрос о функциональной сущности инфинитива, М.А. Шелякин утверждает, что обычные определения инфинитива как формы глагола, обозначающей «голое» «наиболее общее название действия без морфологически выраженных категорий лица, времени и склонения, не отражают его функциональной сущности» [29. С.288]. Более содержательным, по мнению М.А. Шелякина, признается развиваемое в последнее время понимание инфинитива Г.А. Золотовой, полагающей, что «в речи, с помощью лексико-синтаксических средств, при поддержке интонации, инфинитив всегда означает модально-окрашенное действие» [14. С.260].

В семантической структуре предложения английского, русского, удмуртского языков инфинитив особенно значим как зависимый предикат. Независимый предикат имеет, как правило, форму финитного глагола. Такой глагол занимает матричную позицию и ему присущи только глагольные свойства. При этом зависимый предикат, занимающий аргументную позицию, должен обладать некоторыми свойствами непредикатов – вещных существительных [6. С.165]. Это явление называется номинализацией или субстантивацией глагола, которая представляет собой частный случай трансляции или транспозиции [28. С.378-380, 434; 4. С.130,131]. При инфинитивной транспозиции (инфинитивизации) процесс перехода глагола в имя при этом не завершается, поскольку инфинитив сохраняет глагольные свойства. Такая транспозиция называется неполной и все гибридные классы типа причастия, деепричастия, герундия и т.д. могут служить ее примерами. Таким образом, основное назначение инфинитива, пониженного в семантической иерархии, состоит в уточнении и восполнении предиката (матричного или другого зависимого), которому он подчинен, поскольку предикаты фиксируют координаты происходящего (факт экзистенции, положения дел, времени его существования), наряду с обозначением признаков, свойств, которые они могут приписывать предмету речи [6. С.166]. Данный факт объясняется тем, что глаголы, в отличие от существительных, не самодостаточны, следовательно, для установления их референциальной отнесенности необходимо их связывание с участниками ситуации – с существительными (подробнее см.: [19. С.231]).

Причастие, которое совмещает в себе глагольные и атрибутивные свойства, определяется как скрещенная глагольно-прилагательная категория [10. С.221] или смешанная часть речи [23. С.128], по существу прилагательное, образованное от глагола [12. С.96], что ставит его в ряде языков на особую позицию среди остального лексического состава [21. С.281]. Таким образом, причастие причастно одновременно и к категории глагола, и к категории прилагательного, поэтому греческие грамматисты дали ему название «я принимаю участие, я причастен», «то, что причастно к характеристике существительного и глагола», которое латинские грамматисты перевели как *participium* [28. С. 467; 12. С.96].

Л. Теньер отмечает, что греческие грамматисты, будучи тонкими знатоками синтаксиса, с самого начала поняли двойственную природу причастий, и это понимание подсказало им тот термин, который нельзя не признать удачным [28. С. 467]. Причастие обозначает действие, совершаемое лицом или предметом и представленное как признак, проявляющийся во времени, как его свойство, полученное в результате действия.

Английское причастие по происхождению является именем прилагательным. О.Есперсен считает, что такого рода прилагательные были образованы от глагола [12. С.96]. Генетическая связь имени прилагательного и причастия проявляется в общей системе склонения и в функционировании в качестве препозитивного определения. Однако уже к началу древнеанглийского (ДА) периода причастия проходят определенный этап вербализации и могли выражать видовые, временные и залоговые различия. Более интенсивно развитие глагольных свойств у причастия осуществляется в среднеанглийский (СА) период с разрушением системы склонений причастий и с утратой способности передавать грамматические категории рода, числа, падежа [15. С.206]. Происходит дальнейшее изменение формы причастия I. Создаются омонимичные морфологические формы причастия I и отглагольного имени.

Наряду с процессом отглаголивания причастия, столь активно продолжающимся в СА период, отмечается обратный процесс - процесс утраты глагольных признаков причастиями некоторых глаголов и превращения их в прилагательные. Такой процесс, по мнению В.Д. Аракина, является естественным следствием развития системы личных форм глагола в новоанглийский (НА) период [3. С.244]. Выделение из глагольной системы отдельных причастий, которые утрачивают глагольные признаки и превращаются в обычные прилагательные типа *amusing*, *interesting*, продолжается и в новый период истории английского языка.

В дальнейшем (в XV в.) процесс вербализации причастия I идет более интенсивно, так как причастие I втягивается в парадигму глагольных форм за счет появления у причастия формы страдательного залога и перфектной формы – *being written*, *having written*, *having been written*.

В русском языке причастие определяется как особая форма глагола, совмещающая признаки глагола и прилагательного – значения действия и признака предмета и занимающая крайне периферийное положение в системе глагола. Отмечается, что степень близости причастия к прилагательным не идет ни в какое сравнение с некоторыми чертами сходства деепричастий и наречий. Адъективация причастий, сопровождающаяся утратой их глагольных признаков – явление, которое широко представлено в русском языке [30. С. 11].

В удмуртском языке причастие (отглагольное прилагательное) представляет собой глагольно-именную форму, выражающую действие, которое воспринимается как признак лица или предмета и совмещает свойства глагола и прилагательного. Все удмуртские причастия образуются от основ глаголов и отличаются друг от друга переходностью / непереходностью обозна-

чаемого действия: *кышкась пи* – «пугающийся мальчик» и *кышкатись пи* – «пугающий мальчик».

Причастие II является по своему происхождению отглагольным прилагательным, постепенно вошедшим в систему глагола, отличаясь как глагольная форма некоторыми особенностями при сочетании с дополнениями. Причастие II выражает и временные различия. Причастие II отличается от всех других глагольных форм как по значению, так и по грамматическим характеристикам. Причастие II относится исследователями на периферию глагольной системы; оно выражает не сам процесс как таковой, а результат или следствие процесса, состояние, качество лица или предмета, приобретенное или приобретаемое вследствие воздействия внешних факторов: письмо оказывается «написанным», стол – «накрытым», комната – «освещенной» или «освещаемой», человек – «приехавшим», «любимым», «удивленным» и т.п., то есть имеет значение перфектности [27. С. 260; 5. С.212,230; 9. С.38]. Причастие II не имеет форм словоизменения. В связи с этим Д.А. Штелинг отмечает тот факт, что «глагольный статус» причастия II ставится под сомнение его морфологической неизменяемостью, четко выделяющей причастие II в системе глагола. Между тем глагол как часть речи «наиболее богат формами словоизменения» и даже неличные формы глагола (инфинитив, причастие, герундий) обладают формами, образующими коррелятивные пары с залоговым значением (*to write* – *to be written*), перфектные-неперфектные формы (*to write* – *to have written*) [31. С.124].

В.Я. Плоткин, рассматривающий в английском языке в качестве причастия только причастие II, отмечает высокую степень его автономности относительно глагола [24. С.134]. Причастие отличается от глагола семантически, так как обозначает не само действие, а обусловленное им состояние одного из актантов, обычно патиенса. С этим В.Я. Плоткин связывает преобладание в семантике причастия моментов предшествования действию состоянию и неактивности денотата имени, с которым связано причастие. Однако такое преобладание не исключает и иных семантических моментов. Причастие сближается с прилагательным, выполняя аналогичные для прилагательного синтаксические функции – определения в препозиции к имени (*a locked door*) или в постпозиции (*a door locked for the night*), члена составного сказуемого: *The door is locked*. Сближение с прилагательным проявляется также в словообразовательных и транспозиционных потенциях причастия: оно принимает типичный для прилагательного отрицательный префикс (*unspoken*, *unchanged*), преобразуется в наречие. Поскольку причастие II выражает не само действие, а его следствие: *decidedly*, *unpreparedly* (Там же), оно не может быть образовано от глаголов, которые не обозначают действия, предполагающего достижение того или иного предела или результата, например, от глаголов бытия и положения в пространстве: *to be*, *to live*, *to sleep*, *to stand*, *to lie* и т.п. Такие формы, как *been*, *lain* употребляются лишь в составе аналитических форм перфекта.

Английскому причастию II в удмуртском языке соответствуют причастия с суффиксом *-м* (*-ем, -эм*). Причастия на *-м* обозначают действие, совершаемое над предметом. По своему значению они соответствуют причастию прошедшего времени страдательного и действительного залогов русского языка: *Тани кыллэ кымам пыжъёс – Вот лежат опрокинутые лодки*. Причастия на *-мын* по своим значениям соответствуют кратким формам русских причастий прошедшего времени страдательного залога и употребляются в функции сказуемого: *Ваньмыз та будосъёс вож буюм пулъёсын жикыт кенерамын – Все эти растения аккуратно огорожены зеленым полисадником* [11. С. 262,269].

В.В. Богданов рассматривает причастие как результат транспозиции «глагол-прилагательное». Причастие есть результат «неполной транспозиции, поскольку оно способно сохранить многие глагольные свойства, то есть иметь собственные актанты и сирконстанты» [6. С.162]. Аналогичную точку зрения выражает Е.С.Кубрякова, рассматривая транспозицию в качестве «мостика между частями речи», который позволяет языку отразить зыбкость границ между предметом и процессом или признаком: при постановке рядом других имен одно из них воспринимается как начало субстанциальное, другое признаковое [16. С.66]. Относительно причастия Е.С. Кубрякова отмечает, что причастия обычно рассматриваются не как самостоятельная часть речи, а как подкласс глаголов и что основанием для этого оказывается то, что в своей смысловой структуре они сохраняют глагольные значения – время, вид, залог. Кроме того, при наступившей транспозиции они «по-прежнему удерживают в своей смысловой структуре большую часть значений, релевантных для исходных глаголов, лексические значения глаголов не претерпевают в актах транспозиции никаких изменений» [16. С.98].

Герундий представляет собой неличную форму глагола, совмещающую свойства глагола и существительного. В этом отношении герундий совпадает с инфинитивом, но отличается от него тем, что, называя действие, он сохраняет оттенок процессуальности, выражая значение процесса в самом общем виде, как название процесса. В соответствии с характеристикой герундия посредством категории репрезентации, предложенной А.И. Смирницким, герундий представляет собой форму субстантивной репрезентации процесса в глаголе, с достаточно ярко выраженным субстантивным характером [27. С.252]. Некоторые грамматиканы, определяя герундий как форму глагола, подчеркивают именно характер его функционирования [33. С.84]. Отмечается и тот факт, что иногда герундий называется «отглагольным существительным», и тем самым отождествляются две разные категории, которые имеют свои отличительные черты, позволяющие идентифицировать их достаточно четко. В некоторых случаях наблюдается субкатегоризация герундия на собственно герундий и герундий-отглагольное существительное [33. С.85].

По своим формальным признакам герундий не отличается от причастия (причастия I) и даже совпадает с ним по некоторым синтаксическим функциям, главным образом образом функции обстоятельства.

Вместе с тем по синтаксическому функционированию герундий располагается ближе к инфинитиву, что обусловлено соотношением именных и глагольных свойств у данных неличных форм. Основные глагольные черты у герундия не отличаются от причастия и инфинитива. В отношении именных черт герундий обладает своими особенностями, в частности, сочетается с предлогом. Сочетаемость с предлогами, как известно, является характерной особенностью образований субстантивного характера – *I was surprised at his saying that* – «Я был удивлен, что он сказал это», и *I was surprised at his words* – «Я был удивлен его словами» [27. С.250]. Благодаря сочетаемости с предлогом процесс, обозначаемый герундием, опредмечивается. Субстантивный характер английского герундия проявляется в том, что данная неличная форма глагола идентична по дистрибуции и употреблению формам, которые представляют собой результат номинализации типа *destroying-destruction; arriving-arrival; establishing-establishment; referring-reference* [33. С.85]. Указанные субстантивные свойства герундия связаны с его историческим развитием из отглагольного имени, с которым герундий совпадает по способу образования.

В содержательном плане различие между герундием и отглагольным существительным состоит в «процессуальности» герундия, несмотря на его субстантивный характер и «предметности» отглагольного существительного.

Неличная форма английского глагола герундий отсутствует в русском и удмуртском языках, но в русском и удмуртском языках отмечается неличная форма, которая несвойственна английскому языку – деепричастие. Деепричастие представляет собой одну из основных форм глагола с грамматическим значением полупредикативной репрезентации, обозначающей второе, сопровождающее действие по отношению к основному действию, выраженному предикативной формой глагола (реже инфинитивом или причастием): *По вечерам сосед гулял, раскланиваясь со знакомыми* [30]. Агнс действия деепричастия и агнс действия, выраженного предикативной формой глагола, совпадают. Обозначая сопутствующие действия, деепричастие одновременно может выражать различные обстоятельственные значения: времени, образа действия, причины, условия, уступительности – *Нахмурившись, учитель писал в дневнике* [32. С.127]. Деепричастия могут быть возвратными и невозвратными (умываясь-умывая, собираясь-собирая), совершенного и несовершенного вида (решив-решая, решившись-решаясь) в зависимости от того, формой какого глагола они являются. Формы и значения деепричастий определяются видом глагола (Там же). Наблюдается транспозиция деепричастия в наречие со значением образа действия. Транспозиционный процесс наиболее активен в отношении деепричастий несовершенного вида. Деепричастие, перешедшее в разряд наречий, может определять существительное: *Он читал лежа на диване. При чтении лежа портятся глаза*. В ряде случаев разграничение деепричастий и наречий может представлять определенные трудности. С этой целью используется ударение: молча́, стоя – деепричастия; молча, стоя – наречия [32. С.131]. Вместе с тем, как полагают некоторые исследователи,

традиционный подход к деепричастию неправомерно преувеличивает его близость к наречию (например, [7; 30]). Необоснованным в связи с этим является тезис о неизменяемости деепричастия, поскольку деепричастие имеет словоизменительную категорию залога и включается в залоговое противопоставление глагола (*прочитав - будучи прочитана*). Деепричастию присущи и другие глагольные признаки – вид, относительное время, способ действия, переходность / непереходность, возвратность / невозвратность.

Определяя деепричастие, В.П. Недялков выделяет каноническое (= несомещенное) деепричастие и квазидеепричастие. Каноническое деепричастие представляет собой «глагольную форму, которая синтаксически зависит от другой глагольной формы, не является ее синтаксическим актантом, не реализует ее семантических валентностей» [22. С.36]. Каноническое деепричастие может занимать позицию сирконстанта (= обстоятельства), не может занимать позиций сказуемого, определения к существительному, предикатного актанта, подлежащего и дополнения. Квазидеепричастие (= сомещенное деепричастие) – рабочий общий термин, предлагаемый В.П. Недялковым для случаев, когда функции, выполняемые в одних языках каноническими деепричастиями, могут в других языках и в этих же выполняться формами, имеющими также иные функции, чаще всего функции, свойственные причастию, инфинитиву и герундию – функция определения к существительному; предикатного актанта (то есть зависимость от глаголов начинать, вельть и т.д.), подлежащего и дополнения [22. С.36-38]. В дальнейшем выделяются четыре основных временных типа деепричастий по признаку зависимости от финитного глагола в определенной временной форме. Чаще всего деепричастие обладает относительно-временным значением одновременности, предшествования и т.д., то есть обозначает время действия относительно абсолютного времени, выраженного финитным глаголом. Отмечаются также и такие деепричастия, которые обладают не только относительно-временным, но и абсолютным временным значением. Выделяются и темпорально-нейтральные деепричастия. Эти деепричастия могут относиться к финитному глаголу в любой форме – *Придя, он лег / ложится / ляжет*. В данном случае В.П. Недялков видит лишь видовые ограничения, например, **Приходя, он лег*. В итоге отмечается, что в географически восточных языках преобладают нарративные деепричастия – деепричастия, естественно функционирующие со значением предшествования, в географически западных языках имеются только контекстные деепричастия. В этих языках деепричастия одновременности выполняют и некоторые функции, характерные для деепричастия предшествования. Деепричастия одновременности могут употребляться вместо деепричастия предшествования. Соотношение временных типов деепричастий обусловлено импликацией, выражающейся в том, что если в языке есть деепричастие с основным значением следования, то в нем есть и деепричастие с основным значением предшествования. Наличие деепричастия следования и

предшествования предполагает и наличие деепричастия с основным значением одновременности [22. С.53,57,58].

Удмуртское деепричастие обнаруживает тенденции аналогичные русскому деепричастию. Это касается прежде всего его темпоральных особенностей. Деепричастия на *-са* могут обозначать действие, которое совершается одновременно с действием, выраженным глаголом-сказуемым в личной форме: *вуж кырзанъёсты кырзаса пуке* «сидит, рассматривая старые песни», действие, которое совершается до или после действия глагола-сказуемого: *Кима корка пырыса, жок съоры пуксиз* «Кима, войдя в избу, сел за стол»; *тон, Степан Лукич, маке чапак союзникъёсмы выллем вераськиськод – шуиз со, ваньмызлэсь серемзэс поттыса* – «Ты, Степан Лукич, что-то точь-в-точь как наши союзники разговариваешь, - сказал он, вызвав общий смех». Как правило, удмуртские деепричастия образуются при помощи аффиксов *-са, -тэк, -ку, -тозь, -мон, -мтэен, -мтэысь, -эмен(-емен), -мен, -эмысь (-емысь), -мысь* от любого глагола, имеющего различные деривационные и формообразовательные морфемы [2. С.584].

В целом же проблемы гибридных неличных форм – инфинитива, причастия, герундия, деепричастия, в частности, вопросы их частеречной принадлежности, в современной лингвистике решаются относительно их лексикки, грамматики, прагматики, обращения к речевой деятельности. Элементы «кластерного пучка», которым представлена та или иная часть речи (в нашем случае неличная форма совмещает в себе свойства разных частей речи – именные и глагольные), согласуются между собой, выражая, тем самым, некий баланс между семантикой и функцией соответствующего слова и предписывая ему передачу концептов из определенного круга значений, способность выступать в составе дискурса для реализации определенных коммуникативных функций [19. С.231].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В.Г., Ярцева В.Н. Именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия // Историко-типологическая морфология германских языков. М.: Наука, 1978.
2. Алатырев В.И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь. М.: Русский язык, 1983.
3. Аракин В.Д. Очерки по истории английского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1955.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955.
5. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. М.: Высш. шк., 1973.
6. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / ЛГУ. Л., 1977.
7. Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке / ЛГУ. Л., 1986.
8. Бэбби Л. К построению формальной теории «частей речи» // Новое в зарубежной лингвистике. Современная зарубежная русистика. Вып. 25. М.: Прогресс, 1985.

9. Вежибцкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
10. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1972.
11. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртия, 1962.
12. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
13. Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956.
14. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
15. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка. М.: Высш. шк., 1976.
16. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. М.: Наука, 1978.
17. Кубрякова Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи // Словарь. Грамматика. Текст / РАН, Институт русского языка им. В.В.Виноградова. М., 1996.
18. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / РАН. Институт Языкознания. М., 1997.
19. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.
20. Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953.
21. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978.
22. Неद्याков В.П. Основные типы деепричастий // Типология и грамматика. М.: Наука, 1990.
23. Пешковский А.Н. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956.
24. Плоткин В.Я. Строй английского языка. М.: Высш. шк., 1989.
25. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М.: Изд-во иностр. лит., 1954.
26. Расторгуева Т.А., Жданова И.Ф. Курс лекций по истории английского языка. Вып. 3, 4. Развитие языка в среднеанглийский и новоанглийский периоды. М.: Высш. шк., 1972.
27. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959.
28. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
29. Шелякин М.А. О функциональной сущности русского инфинитива // Словарь. Грамматика. Текст. РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М., 1996.
30. Шигуров В.В. Типология употребления атрибутивных форм русского глагола в условиях отрицания действия. Саранск: Изд-во Морд. Ун-та, 1993.
31. Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. М.: МГИМО ЧеРО, 1996.
32. Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология. М.: Рус. Яз., 1982.
33. Hurford J.R. A Grammar Student's Guide. Cambridge University Press, 1996. 172.
34. Palmer H.E. A Grammar of Spoken English on a Strictly Phonetic Basis. Cambridge. W.Heffer & Sons Ltd. 1930.

Поступила в редакцию 02.11.08

N.I. Pushina, doctor of philology, professor

Non-Finite Verb Forms in the Onomasiological and Cognitive Aspects

The paper deals with the onomasiological and cognitive aspects of hybrid non-finite verb forms (infinitive, participle, adverbial participle, gerund), which combine noun and verb properties. These aspects are connected with the nominative functions of non-finite forms and their cognitive nature.

Пушина Наталья Иосифовна, доктор филологических наук, профессор
ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск,
ул. Университетская, 1 (корп. 2)